

**КОНСТИТУЦИИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ:
НОВЕЙШАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПО ИСТОРИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

Рецензия на книгу:

***Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Пленков О. Ю., Соколов О. В.* Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время / Под ред. А. В. Смолина. Рук. авторского коллектива В. Н. Барышников. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 353 с.**

ISBN 975-5-88812-664-6

История государства и права в ведущих странах Запада, формирование в них конституционного строя привлекали внимание разных сил еще в Российской империи. Как правило, безусловные защитники самодержавия негативно воспринимали новости о расширении прав и свобод их современников — европейцев и американцев, многие противились попыткам учреждения по зарубежным образцам конституций для Российской империи или ее регионов. А подверженные реформаторским веяниям круги в своих действиях стремились учитывать законодательство и конституционный опыт Старого и Нового Света. В частности, американцы содействовали подробному ознакомлению Александра I и его окружения с принципами и нормами политико-государственного устройства США, конституцией этого государства. Тем самым российскую сторону побуждали к модернизации законодательства в важнейших сферах жизнедеятельности общества. Со времен Н. И. Радищева и «Декабристов» опыт других стран привлекал и либерально-демократические силы, стремившиеся в России к принятию конституции и созданию правового государства. Эти темы часто получали отражение в российской периодической печати и публицистике, со временем их стали разрабатывать и в научно-исследовательской литературе.

Растущий интерес российских историков, юристов, правоведов, представителей других научных дисциплин совпадал с подъемом либеральных настроений и перемен в обществе. На такой волне в 1860-е гг. А. В. Лохвицкий опубликовал подробный обзор «современных» на то время конституций. В период революционных событий в С.-Петербурге и в Москве в свет выходили публикации Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. Г. Мижуева, С. Ф. Фортунатова, П. Г. Виноградова, В. М. Милюкова и других специалистов. Их работы отражали достижения российской и зарубежной научной мысли и содержали ценные материалы по историко-правовой тематике. Постепенно в эти десятилетия складывался весьма представительный эшелон (или контингент) исследователей, специализировавшихся на изучении истории государственного строительства, проблем политической жизни, права, законодательства и конституционализма в странах Запада. Работавшие тогда известные историки и правоведы обладали индивидуальным исследовательским почерком и, порой, они высказывали критические замечания в отношении институтов и порядков, установившихся в Европе и в Америке. Но этот период изучения опыта конституционного развития (строительства) зарубежных стран характеризовали и два обстоятельства, сближавшие работы российских авторов. Во-первых, то был в общем, позитивный, а порой и восторженный настрой в восприятии и трактовке порядков и институтов на Западе. А, во-вторых, большинство ученых отличало и стремление просветить общественность, ориентировать ее на восприятие зарубежного опыта с тем, чтобы способствовать наступлению серьезных перемен в политико-государственной жизни России.

Революции и Гражданская война разрушили не только Российскую империю, но также и складывавшиеся школы историков, правоведов, политологов. Изучение с позиций либерализма истории государственного строительства и права становилось невозможным, многие работы даже известных авторов предавались забвению, само понятие «конституционализм» на долгое время выпало из арсенала медленно возрождавшейся науки и высшей школы. И такое их возрождение проходило уже на основе марксистско-ленинской идеологии, акцентировавшей внимание на развитии классовых противоречий и борьбы в антагонистических обществах. Наступал еще один период в изучении конституционализма и согласно новому подходу советские ученые трактовали конституции как документы, отражавшие сложившееся в обществе соотношение классовых сил, как документы, закреплявшие власть господствующих классов и обо-

значавшие основы правового положения членов общества и его институтов, порядок образования, построения и деятельности государственных органов.

В СССР при изучении зарубежного законодательства и практики его применения чаще всего основное внимание уделялось конституционным документам, рожденным в ходе революционных потрясений. Другой излюбленной темой для советских авторов выступало сопоставление конституционного опыта стран буржуазных и стран социалистической (народно-демократической) ориентации. При всей кажущейся монолитности советская наука не была единой в трактовке конституционных актов и созданных на их основе режимов в ведущих странах мира. В пределах марксистско-ленинской трактовки авторы подчас расходились в оценках основных законов, поскольку они могли опираться на разную источниковую базу и исходить из накопленных знаний, сложившихся убеждений, теоретико-идеологических постулатов. Различия наблюдались и в зависимости от той политико-идеологической обстановки, которая складывалась на момент написания и публикации работ по истории государства и права. В период изучения конституционной тематики в СССР разброс подходов, мнений и оценок мог колебаться: от абсолютного отрицания рационального содержания и каких-либо прогрессивных сторон и черт в зарубежном конституционном законодательстве, резкого осуждения его как орудия классового угнетения и обмана эксплуатируемых масс и до признания и выделения неких прогрессивных (порой демократических) сторон и черт конституционных документов. Последнее обычно сопровождалось указанием на порожденную историческими условиями их закономерную ограниченность и зависимость от соотношения сил в обществе, изменений в социально-политической ситуации. Тем не менее, несколько поколений советских исследователей добились существенных результатов в изучении государственно-правовой тематики (а в этих рамках и конституционного законодательства и практики его применения) в странах Европы и США.

Новый период исследований западного конституционализма начался с распадом лагеря социализма и СССР и наступивших с конца XX в. перемен в жизни россиян. Перемены сказывались и на состоянии общественных наук, во многом определяя направления их развития. Влияние марксистской идеологии ослабевало и в ходе длительных дискуссий формационный подход к изучению и освещению исторических процессов и событий подвергали критике. В менявшихся условиях часть ученых еще безоговорочно защищала былые высоты советской исторической науки, а

многие встали на путь ее подновления и даже значительной ревизии. Они уже не следовали слепо директивам о «партийности» общественных наук, и не «бюбли» их партийно-идеологическую заостренность. Это выражалось не только в бросавшемся в глаза «бегстве» от обязательных (к месту и не к месту) ссылок на авторитет классиков марксизма-ленинизма и цитированию очередных трудов генсеков и решений съездов КПСС. Более значимым стал отказ от упора на неперемнное главенство классовых, социально-экономических интересов, выделения их в качестве единственных или основных факторов, определявших активность общественных сил, групп или отдельных личностей. Сторонники обновления в науке в гораздо больших масштабах и взвешеннее оценивали воздействие на конкретные события и процессы, и в целом на ход истории, тех факторов, условий и обстоятельств, которым ранее в советской историографии не придавалось должного внимания. Более широко и без обязательного резко критического тона воспринимался и опыт зарубежных коллег, а их труды, приемы и достижения получали все более широкое применение, обогащали научный арсенал российских исследователей. Названная тенденция обозначилась и в изучении истории государственного строительства и конституционного развития ведущих стран Запада. Именно на такой не подверженной политико-идеологической конъюнктуре и обновленной, более высокой научной основе создавалась коллективная монография «Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время».

Указанную ценную и весьма емкую книгу подготовил представительный авторский коллектив. Этот коллектив в рамках Института истории СПбГУ был организован по инициативе и под руководством известного российского ученого — доктора исторических наук, профессора В. Н. Барышникова Как заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени и руководитель авторского коллектива профессор Барышников активно опирался на серьезный исследовательский потенциал этого подразделения и к углубленной научной разработке проблем истории конституционного строительства в Западной Европе он привлек видных и ныне весьма плодотворно работающих высокклассных специалистов — докторов исторических наук, профессоров В. Е. Возгриня и О. Ю. Пленкова и кандидатов исторических наук, доцентов Т. Н. Гончарову и О. В. Соколова. Такое решение обеспечило в книге охват истории важнейших стран и регионов этого континента и качественное раскрытие хода и особенностей конституционного развития. В коллективной монографии

означенные авторы убедительно демонстрировали широкий диапазон исследовательских приемов, и каждую главу отличает яркий авторский стиль. А свести гармонично воедино богатые материалы историко-правового характера и палитру исследовательских и литературно-языковых приемов авторам во многом помог опытный научный редактор книги — доктор исторических наук, профессор А. В. Смолин. Его роль в подготовке коллективной монографии к публикации, выходе в свет этого научного во многом новаторского издания заслужила самой высокой оценки. И наконец, стоит отметить и усилия рецензентов этой книги — доктора исторических наук, профессора В. И. Фокина и доктора философских наук и кандидата исторических наук, профессора А. Л. Вассоевича. Их строгий и созидательный подход к книге, замечания и пожелания в немалой степени способствовали успеху научного проекта на его завершающих этапах публичного обсуждения и подготовки к печати.

Коллективную монографию открыло краткое и в то же время содержательное предисловие (на русском и английском языках), написанное научным редактором. В нем профессор А. В. Смолин раскрыл цели авторского коллектива — его стремление не только изучить процессы утверждения и развития норм государственного строительства, но и определить то, как «писанные законы соотносятся с реальной жизнью» и уловить усилия по коррекции принятого законодательства. Иными словами, конституции в странах Западной Европы были представлены читателю как живой и изменяющийся «организм» и при этом авторы глав убедительно выделяли в «мировой истории те узловые проблемы, которые объединяли европейские страны, или разъединяли их, с точки зрения их интеграции в процессе конституционного строительства Запада». Авторский коллектив одновременно решал и другую трудную и важную задачу: он стремился обратить особое внимание читателя на «характерные черты конституционного развития регионов и конкретных стран, оказавших своеобразное историческое влияние на поступательные изменения, происходившие в Западной Европе в XIX–XX вв.». В соответствующих главах каждый из авторов также использовал собранные им материалы и решал и освещал многие другие хотя и частные, но не менее важные и интересные проблемы из истории политического и конституционного развития стран Запада (с. 5).

В рецензируемой книге глава I подготовлена патриархом российской скандинавистики профессором В. Е. Возгриным. Это масштабное и емкое исследование растянувшейся на века истории конституционного строи-

тельства в скандинавских странах. В его работе акцент сделан на изучение того особого пути интеграционного консенсуса, который известный российский ученый-скандинавист весьма обстоятельно выявил и отследил на примерах истории Норвегии, Исландии, Швеции, Дании и Гренландии, образовавших весьма обширный и важный регион в Европе (с. 11–153). Интерес к процессам политико-государственного, конституционного обустройства названных государств, научная разработка этапов становления «демократических конституций в странах Скандинавии» в рамках одной весомой работы вполне закономерны, ибо эти страны вошли в «единый регион» и исторические судьбы «северных народов» были переплетены «на протяжении Нового и новейшего времени», а результатом такого политического развития стала реализация принципов парламентаризма (с. 11). От себя же добавим, что труд профессора Возгрин включил ценные материалы и научные положения, применимые как в целом по отношению к этому важнейшему европейскому региону, так и касательно отдельных вошедших в него стран и районов.

Для написания обширной и подробной работы В. Е. Возгрин использовал разные подходы, и из них в первую очередь — компаративный «для того, чтобы выявить сходство и различия в параллельно протекавших процессах конституционного строительства» в означенных странах. Это весьма интересно и значимо, поскольку, согласно мнению российского исследователя, «ни в отечественной», ни «в зарубежной историографии» не проводилось «комплексных исследований такого рода», а также «отсутствуют исследования, целиком посвященные истории становления Основных законов в отдельно взятой скандинавской стране». И далее, автор уточнил: такие работы «имеются, но в них эта тема раскрывается в ограниченных временных рамках <...> от начала разработки текста той или иной конституции до его канонизации в окончательном виде, что занимало, как правило, не одно десятилетие». Согласно мнению маститого исследователя, такой подход был «вполне оправдан в трудах, предназначенных для аудитории, более или менее знакомой с историей страны». Свой «очерк» профессор Возгрин адресовал зарубежному читателю (с. 11–12), но его труд полезен и интересен и читательской аудитории в России.

Работа профессора В. Е. Возгрин основывалась на тщательном изучении опубликованных источников и «литературы вопроса» (94 наименования). В библиографический список вошли не только зарубежные издания за последние десятилетия, а и более ранние выпуски, а также

публикации российских авторов, включая и весьма специализированные и мало знакомые читателю — не специалисту (например, исследовательская статья Н. С. Плевако) (с. 13, 100, 334–340). Логика развития конституционных процессов в означенных странах и необходимость облегчить понимание масштабных и сложных сюжетов побудили автора разделить «очерк» на разделы, «каждый из которых посвящен одному из скандинавских государств <...>. Первой исследуется история норвежского законодательства» (с. 13–52), поскольку, без этих знаний «не всегда могут быть поняты особенности заимствования <...> в правовой системе Исландии, которой посвящен второй раздел» (с. 52–79). Затем следуют разделы о Швеции и Дании (с. 79–114, 114–145) и раздел о Гренландии, «где решающие изменения в конституционном поле произошли буквально в наши дни» (с. 145–153). Таким путем российский ученый удачно сочетал в своей работе хронологический и тематический подходы.

Начав свое исследование с анализа событий истории Норвегии, профессор В. Е. Возгрин последовательно и самым подробным образом познакомил читателей и с многовековой историей политико-государственного и конституционного развития всех ранее перечисленных стран, и, в целом, с историей одного из важнейших регионов Европы, доведя повествование до наших дней. Пожалуй, впервые в рамках одного солидного труда читательская аудитория получила столь насыщенное и всеобъемлющее исследование, а соответственно, и характеристику, как сходных черт, так и специфики развития отдельных стран и территорий. При этом взору предстали не только ценнейшие, интереснейшие материалы по истории, но также и основанные на глубоком их изучении важные научные положения, оценки и выводы российского исследователя, его теоретические установки и наработки. Справедливо выделяя отдельные политико-юридические положения и теории, важные документальные памятники, как и события и процессы в жизни скандинавских народов, профессор Возгрин убедительно и ярко раскрыл значение складывавшихся благодаря усилиям многих поколений устремлений и политико-конституционных теорий. И как показал ученый, движение народов к законности, правопорядку, торжеству конституционных принципов, не было плавным и запрограммированным единственно в сторону торжества демократических ценностей. Ибо, место могли иметь и попытки воспрепятствовать, а то и развернуть вспять продвижение общества к парламентаризму и конституционализму. Согласно же материалам главы победа сторонников прогрессивных перемен обеспечивалась благодаря участию масс, активности населения,

тех слоев и категорий, которые по тем временам играли значимую роль в жизни общества. И мотивация сторонников или противников преобразований также могла включать не только сугубо классовые, социально-экономические интересы и цели, но и факторы культурного и языкового, религиозного, этнографического и демографического свойства, а то порой и особенности психологического плана. Пристальное внимание исследователя к переплетению, взаимовлиянию и взаимодействию всех или части означенных факторов — выступало как непереносимое условие, своего рода «ключ» к познанию прошлого, настоящего и будущего в области государственного и конституционного строительства в одном из важнейших регионов Европы.

Такие прогнозы, скажем в отношении Гренландии, и содержит соответствующий раздел этой главы. По мнению В. Е. Возгрина «анализ истории перехода скандинавских стран к буржуазным демократическим конституциям» показал: «отличие этого длительного процесса от аналогичных метаморфоз, имевших место в остальной Европе». И перечень особенностей конституционного строительства в скандинавских странах вытекает при чтении всех разделов главы. Выводы же ее автора о (сравнительно !?) мирном и массовом процессе «постепенного совершенствования парламентской системы, затем развитого парламентаризма» интересны (с. 145–146, 148, 152–153). Они могут служить исходным пунктом и для более подробного и масштабного исследования в означенном направлении. Поскольку, труд профессора Возгрина, его подход к раскрытию темы, вероятно, вдохновит историков на дальнейший научный поиск и приведет к новым ценным публикациям, то будем надеяться, что таким авторам удастся дополнительно добиться существенных результатов по многим научно-значимым направлениям, представленным на страницах главы В. Е. Возгрина. А некоторые поднятые им темы уже приобрели особую актуальность. Так, приведенные российским историком материалы позволят специалистам и читательской аудитории настойчиво осмысливать один из животрепещущих вопросов современной политической жизни. Речь идет о присущей многим конституциям и законам декларативности и формализме, о провозглашении в законах прав и свобод и отсутствии на практике материальных гарантий их осуществления, а равно и о возможности в принципе услышать «глас» народа и добиться реализации его воли при засилье политиков-популистов и политтехнологов и использовании ими изощреннейших политико-пропагандистских приемов, да еще в условиях «разнузданной» пропаганды. Каждый из читателей главы может по-своему

определился и дать ответ на этот вопрос. И работа В. Е. Возгриня проложила принципиально важный путь в означенном направлении.

В рецензируемой книге в теоретико-историческом плане, как и в отношении собранного и удачно представленного материала также важна и глава 2 о конституционном строительстве при Наполеоне. Эту главу подготовил известный специалист по истории Франции, Кавалер Ордена Почетного Легиона О. В. Соколов. Свойственные ему энергию, целеустремленность и глубокие знания ученый буквально «выплеснул» на страницы своего труда, в котором он представил не только исчерпывающий анализ французской историографии по этой теме, но также выделил и изучил связь идей и теоретических наработок эпохи Просвещения с теориями и практикой государственных преобразований французских революционеров и правителей на разных этапах в развитии Великой Французской революции. В главе были подробно и доказательно отслезены связи, сходство и различия конституционных документов (1799, 1802, 1804 гг.) и практики общественно-политической жизни в стране в годы Консульства и Империи с идеалами и устремлениями предшествующих периодов. Называя авторов конституционных перемен и разработанные ими меры, российский историк определял и социальный и профессиональный состав формировавшейся при Наполеоне элиты в Первой империи, а отсюда отчасти и направленность политики ее властей. О. В. Соколов выделил роль и значение ученых-интеллектуалов в налаживании системы управления Францией, выходявшей тогда из поры революционного энтузиазма (с. 159–182, др.). В целом «на основе первоисточников <...> и с учетом современных исследований» (с. 158) Соколов поставил и убедительно решил одну из важнейших теоретических проблем в историко-социологической схеме двуединой (политической и социальной) революции. А именно, ученый на примерах из истории Франции определил возможность и условия, обеспечившие неразрывность и преемственность хода политико-конституционного развития общества в годы нарастания или спада революционных процессов. Последнее также важно, ибо об истории революции и конституционного строительства во Франции еще современники событий высказывали разные суждения: от упоительного одобрения всего и всех и до гневных тирад... Вполне вероятно, что какая-то толика таковых имела под собой основания и выступала подобием предвидения, будь то строки Эдмунда Берка или Жозефа Мари де Местра о судьбах европейских династий, о наступлении исхода дочери «века Просвещения» и дочери «века Реформации» (а, следовательно, и о наступлении исхода

«эпохи Наполеона»). Отчасти и поэтому Жан-Луи Дарсель столь высоко оценивал возможности последнего из авторов.

Очередная обширная глава в коллективной монографии была подготовлена профессором О. Ю. Пленковым. Крупный специалист по истории Германии представил историю движения «от Веймарской республики к нацистскому государству» и «к гитлеровской диктатуре», как «разрыв с конституционной традицией на общеевропейском пространстве в первой половине XX века». Эту тему изучали историки, политики, «государственные чиновники» и автор главы поэтому, подробно проанализировал зарубежную литературу по теме. Он раскрыл бесконечную борьбу «компетенций, институционального дарвинизма» и значимость немецкой правовой традиции, особенно прусского наследия, отсутствие «длительной демократической традиции» и наличие «фундаментального правопорядка», роль других факторов, действие которых сказывалось на формировании феномена тоталитаризма — «фюрерского» и расового государства и правопорядка в нем (с. 189, 194–196, 200–201, 204).

Российский историк шаг за шагом характеризовал этапы и особенности движения немецкого общества и государства к тоталитаризму. Этот рассказ он начал с описания разделения в Германии «политической и судебной власти» и правовой традиции и правосознания немцев, характеризовавших и короля, и обывателя, и даже «нацистского чиновника» (с. 200–205). Далее ученый сообщал о возникшем под влиянием поражения в Первой мировой войне институте президентского правления, о его сложном взаимодействии с немецкими вариантами парламентаризма и избирательной системы, об усиливавшейся политизации правовых и судебных институтов и о прямом воздействии Гитлера и его окружения на ход дел в обществе и государстве вплоть до установления диктаторско-репрессивного режима. В главе в меньшей степени фигурировали данные о путях и возможностях выхода Германии из мирового кризиса с конца 1920-х гг., но О. Ю. Пленков рассказал о некоторых сбоях в становлении нацистской диктатуры, о факторах, ослаблявших ее монолитность и эффективность. Историк обстоятельно исследовал серьезные изменения в органах власти и в правовом поле, наступившие в нацистской Германии до начала войны. Среди таких перемен петербургский автор выделял наиболее значимые. Это было и быстрое нарастание диктаторских тенденций, и превращение фюрера и его воли в олицетворение высшей целесообразности, порядка и права в Рейхе, и введение в повседневную практику «нацистского террора». Все это автор излагал и характеризовал предельно

четко и красочно — каждая его фраза отточена и убедительна (с. 210–236, др.). Не менее ценным и убедительным стал и следующий раздел этой главы о состоянии в годы войны общества и правопорядка в нацистской Германии, окончательно превратившейся в кровавую тиранию, пугавшую многих немцев (с. 231–245).

А в заключительном разделе главы о «неисторическом характере» тоталитарного режима О. Ю. Пленков подвел важнейшие и очень ценные итоги своего теоретико-исторического исследования. Эти общие положения во многом применимы для осмысления и глубинной характеристики прочих тоталитарных построений в истории современного человечества. По мысли ученого, при изучении подобных проявлений следует учитывать содержание формировавшейся в национальных «квартирах» в период Нового и новейшего времени «исторической традиции». Ведь «в ней были заключены совершенно разные, разнообразные возможности развития в любых мыслимых направлениях», хотя предшествующая история «в России, Италии, Германии» не предвещала «никаких подобных катаклизмов». И в то же время, по мысли профессора Пленкова, был «отчетливо виден» и «перерыв» в постепенной, довольно стройной логически и структурно «эволюции немецкого правосознания и традиционного правопорядка». А «важнейшими правовыми (или даже более идеологическими) новшествами нацистов» в главе предложено считать «абсолютный принцип фюрерства», отсюда — «пирамидальное» строение государства в соответствии с этим принципом», когда «на вершине этой пирамиды находится фюрер или дуче, власть которых вообще никак не была ограничена — ни моральными, ни религиозными, ни традиционными условиями — такого, — заключил мысль автор, — в человеческой истории еще не было». А «отсюда, — гласил вывод профессора Пленкова, — экстремальный антигуманизм этих режимов, поскольку основные решения принимались в <...> условиях полного и абсолютного отсутствия ответственности» (с. 245–247).

Согласно теоретически важному заключению О. В. Пленкова, в Рейхе «идеологическая монополия партии и исключение других партий из политической жизни», в целом «примат идеологического» вели к тому, «что действительность — всякого рода (политическая, юридическая, социальная, моральная) были совершенно искажены целями, которые формулировали идеологи. Получалось, что идеологи создавали (или лучше сказать, инсценировали) новую действительность, а под нее потом подлаживали реалии жизни». На все это накладывался «расовый принцип»,

в соответствии с которым «расово чуждых» лиц выводили «вообще из правового поля». И «не менее дикими» О. Ю. Пленков назвал и другие «нацистские “новшества”» хотя, не на все нацисты имели монополию. В главе резонно подчеркивается, что «юридическая практика в США в межвоенный период также носила характер расовой» (с. 247–248). В условиях мирового кризиса и в США массово применяли полу-принудительный труд, а в военное время перемещения лиц азиатского происхождения в концентрационные лагеря. Тем не менее, две страны — Германия Гитлера и США Рузвельта выбирались из глубочайшего кризиса разными путями. Здесь, вероятно, значение имели как конкретные условия в этих странах, так и та широкая «историческая традиция», которую столь обстоятельно и успешно продемонстрировал читателю профессор О. Ю. Пленков.

Коллективную монографию завершила глава, подготовленная единственной среди авторов представительницей прекрасного пола. Но доцента Т. Н. Гончарову отличают не только безграничные очарование и красота, но и стремление разрешить сложнейшую и для современного мира важнейшую проблему, не подвластную многим тяжеловесам-мужчинам. А именно, объяснить, как во Франции, пережившей за 225 лет значительное количество политических режимов («две империи, три конституционных монархии, пять республик» и 15 конституций, средний срок жизни которых достигал 15 лет и они менялись «чаще, чем в других европейских государствах») стало возможным столь длительное существование конституции 1958 г. «Пятая республика отметила полукруглый юбилей — 55 лет с момента своего основания, зарекомендовав себя как один из самых длительных и стабильных режимов Франции, несмотря на свой необычайный характер, а может быть и благодаря ему». А особенность Пятой республики, по разъяснению Т. Н. Гончаровой, в «том, что она сочетает в себе черты как парламентского, так и президентского режимов <...> Тем не менее, — написано в этой главе, — Пятая республика пережила своего основателя (Ш. Де Голля) и не изжила себя до сих пор. Как это стало возможным?» — свою версию ответа автор и изложила подробнейшим образом в своем «очерке» (с. 249–251), вероятно предполагая со временем по этой тематике подготовить более масштабный труд.

Естественно, что емкое исследование Т. Н. Гончаровой открыл раздел о генезисе Пятой республики. А фактически, это был весьма полезный и обстоятельный рассказ о движении голлистов и о политико-конституционном развитии Франции за послевоенный период, предшествовавший выступлениям, свалившим Четвертую республику в 1958 г. В этом же

разделе были охарактеризованы: угроза военного переворота в стране и падение «слабого режима» (Четвертой республики), приход в этой атмосфере к власти Ш. Де Голля, выработка и принятие новой конституции с учетом политико-конституционных особенностей и ошибок французов, совершенных в XIX и XX вв., и собственно растянувшийся на ряд лет процесс складывания «режима Пятой республики» (с. 251–274). Означенный процесс не был спешным, т.к. его участникам приходилось учитывать сложную обстановку во Французской республике и в Алжире, преодолевать противодействие поборников «французского Алжира», вводить новый порядок избрания президента республики, придававший этой должности «большой вес, большую легитимность», а конституции Пятой республики — «гибридный, иначе говоря, двойственный характер», когда «режим остался парламентским <...> но при наличии сильной президентской власти <...> Компромиссу 1958 г. наступил конец <...> и в 1962 г. режим обрел, наконец, свое настоящее лицо» (с. 277–278).

Т. Н. Гончарова не ограничивалась подробным анализом текста конституции и тех реформ и перемен, на которые сподвиг соотечественников Де Голль и иже с ним, но историк раскрыла читателю и оценила «повседневную практику властей», и то понимание, и те меры, которые президент Де Голль прилагал для придания нужного ему характера отношений с парламентом и правительством Франции. Чаше без изменения текста конституции усилия Де Голля ставили законодателей и министров во главе с премьер-министром во все более подчиненное положение по отношению к главе государства и превратили последнего в «стержень политической жизни страны» (с. 178–295). А в 1960-е годы Пятая республика, по мнению историка, «укоренилась» и ее «институты <...> вышли из кризиса 1968 г. консолидированными как никогда раньше». Т. Н. Гончарова на примерах из жизни Франции подробно разобрала еще одно направление конституционных перемен и строительства в современном мире, когда политический курс и конкретные усилия президента, его окружения, сторонников и преемников могут вести к важным и выгодным им переменам на политико-конституционном поле и тем способны придать режиму новые возможности и качества (с. 294–298). Иначе говоря, французский пример показал еще один путь конституционного строительства — без перемен в тексте конституции возможность менять баланс сил в государстве под нажимом его лидеров, в ходе повседневной практики управления.

В последующем же — в 1970-е годы, когда «не голлист оказался во главе государства», наступил новый этап существования Пятой респу-

блики. Это, посчитала Гончарова, «сулило» ее институтам «новую проверку на прочность, а также поставило со всей очевидностью вопрос об их возможной эволюции» (с. 298–299). Как живой организм конституция Пятой республики претерпевала с 1960-х годов изменения. В основе перемен и реформ лежали рождаемые в менявшихся условиях новые запросы, а также цели и амбиции политических сил и отдельных лидеров. Вызовы были настолько серьезными, что российский автор озаглавила последний раздел главы как «призрак Шестой республики» (с. 299–300). В Пятой республике после ухода Ш. Де Голля баланс сил законодательной и исполнительной власти часто колебался, изменялись и отношения между главами государства, и премьер-министрами, и членами правительства. Конституцию также часто подвергали «лечению», она выдерживала серьезные «операции», порой затрагивавшие более половины ее статей (реформа 2008 г. изменила 47 из 89 статей). В целом же, согласно выражению ученого, «Основной закон Пятой республики прошел, если можно так выразиться, “курс лечения” 24-мя конституционными реформами» и, констатировала Гончарова, французы оказались «привычны к переписыванию основных законов, недаром Францию называют “лабораторией конституций”». «Не приходится сомневаться, — заявляла автор главы, — что Де Голль не узнал бы свою конституцию в том основном документе, по которому живет современная Франция <...> Пятая республика уже не та, какой была в 1958, 1962 гг., когда закладывались ее институты. Будет справедливым сказать, — посчитала историк, — что Франция живет в режиме Пятой республики bis». А в последние годы усилились и призывы заменить Пятую республику на Шестую (с. 322, 324–325, 328, др.).

Однако все политические перемены и иные повороты в развитии Франции пока не привели к низвержению Пятой республики, хотя вызовы ее основному закону и институтам были частыми и серьезными. На протяжении многих десятилетий конституционный механизм и политико-государственная практика страны показывали достаточный запас прочности, необходимую гибкость и возможность соответствовать требованиям времени, адаптироваться к менявшимся условиям. Конституция и политико-конституционная практика выступали и как подобие «живого организма», состояние которого соответствовало фазам и запросам в развитии общества и государства, либо могло корректироваться в соответствии с интересами политически активных сил. И как то видно из текста главы, в этом также заключались немалые уроки и своеобразие политико-государствен-

ного и конституционного развития такого современного и ведущего европейского государства как Франция.

Подготовленная Т. Н. Гончаровой обстоятельная глава донесла до читателей основанный на ценных материалах систематический рассказ о политико-конституционном развитии Франции в послевоенный период, о значении конституционных перемен в переломные времена. Теоретическое значение главы также весьма значимо, поскольку ее автор на примерах из французской истории раскрыла необходимые условия и механизмы, обеспечивающие «долгую жизнь» и эффективность современных основных законов. Ибо, как и «живым организмам», им временами требовалось своеобразное «лечение», «лекарствами» же выступали конституционные реформы, изменения, дополнения и прочие меры, принятие которых и позволяло приспособить эти документы к потребностям и вызовам времени и обеспечить эффективную работу государственно-конституционных механизмов. По мнению историка, пример Франции показывал, что не все перемены приобретали судьбоносный характер, а некоторые, вызванные политической конъюнктурой меры, усложняли ситуацию. Поэтому то, конституционные реформы отличались сложностью, и их успех отчасти зависел от ответственного отношения заинтересованных в них сил.

В итоге, знакомство с рецензируемой монографией подтвердило, что ее авторы существенно пополнили знания читательской аудитории по истории ведущих европейских стран в целом, и в отношении такого важного направления их жизни, как процессы государственного строительства, развития теорий и практики парламентаризма и политико-конституционного обустройства. И более того, каждая из глав приобрела и серьезную теоретическую нагрузку: авторы глав предложили свое, во многом новое, видение и решение тех проблем, которые важны для объяснения не только событий прошедших эпох, но и хода текущей политики, а в чем-то и для определения возможных существенных подвижек и прогрессивных перемен в будущем. Петербургские историки не отказались и от исследования материальной основы нараставших в странах Запада выступлений за внедрение и развитие норм парламентаризма и за политико-государственное обустройство жизни общества и государства и, соответственно, поиска факторов, которые обусловили позиции и действия, как сторонников, так и противников таких преобразований. Но современные исследователи в Санкт-Петербурге в значительной мере расширили и обогатили палитру побудительных мотивов и причин, в разные

времена подвигавших граждан добиваться перемен в жизни стран, в том числе и модернизации в сферах управления и политико-государственных отношений. Все эти новации и глубокое исследование означенных тем, те результаты, которых добился авторский коллектив рецензируемой работы, как раз и подтвердили то, что российская наука вполне уверенно вступила в новый этап своего развития, и первые весомые плоды уже доступны и специалистам, и российским и зарубежным читателям.

Сведения об авторе рецензии

Ушаков Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v.usakov@spbu.ru

Information about the author of review

Ushakov Vladimir Alexandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: v.usakov@spbu.ru